

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ БИОГРАФИИ

И.Д. Джоухадзе

Были ли Рорти аналитическим философом?

Джоухадзе Игорь Давидович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором современной западной философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: joe99@mail.ru

В творчестве Р. Рорти принято выделять два этапа: ранний (аналитический) и зрелый (прагматистский). С такой периодизацией согласны не все. Высказывается предположение, что в 1960–1970-е гг. Рорти только «маскировался» под аналитика, тайно исповедуя прагматизм. На Западе этой точки зрения придерживаются Н. Гросс, Дж. Ричардсон и К. Уэст, в России – Е. Логинов. Целью настоящей статьи является опровержение «социологического аргумента» Гросса и тех, кто разделяет его сомнения в «полицентричности» философии Рорти.

Ключевые слова: Р. Рорти, прагматизм, аналитическая философия

По прошествии десяти лет после смерти Ричарда Рорти, одного из самых противоречивых и до конца не разгаданных мыслителей XX – начала XXI в., интерес к его личности и творческому наследию не ослабевает. Идеи американского «антифилософа», как его часто называют, остаются предметом оживленных, теперь уже преимущественно историко-философских дискуссий. Спорят о принадлежности Рорти к тому или иному направлению или школе, о генеалогии и доктринальной специфике «постаналитического прагматизма», о релевантности его философской программы современным интеллектуальным потребностям и культурным запросам.

Е. Логинов в статье «Прагматизм и неопрагматизм: реконструкция учения Дж. Дьюи у Р. Рорти» [Логинов, 2016] выдвигает ряд аргументов против «гипотезы разочарованности», которая состоит в делении творчества Рорти на два этапа – аналитический и прагматистский. Эта гипотеза, принятая в работах большинства российских и западных исследователей, «не подтверждается фактами», считает Логинов. На самом деле Рорти, никогда «прямо не ассоциировавший себя» с традицией Фреге–Рассела–Витгенштейна, только «на время воспользовался аналитическим стилем философствования» (следуя «карьерной необходимости», как выражается автор статьи) [там же, с. 193, 194].

Чтобы понять, насколько обоснованна такая оценка, полезно обратиться к интеллектуальной биографии Рорти, и монография Н. Гросса [Gross, 2008], на которую ссылается Логинов, подходит для этого как нельзя лучше.

Ричард Рорти родился в 1931 г. в Нью-Йорке в семье левых интеллектуалов ирландского происхождения. Отец будущего философа Джеймс Рорти, поэт, литературный критик и публицист, работал редактором журнала «New Masses», в котором печатались Джон Дос Пассос, Эзра Паунд и Эптон Синклер. Он симпатизировал

коммунистам, был лично знаком со многими деятелями леворадикального движения (включая лидера американских анархо-синдикалистов Карло Треска), однако в компартию так и не вступил. Мать Ричарда, Винифред Раушенбуш, дочь известного баптистского проповедника и теолога Вальтера Раушенбуша [см.: Rauschenbusch, 2007], в 30–40-е гг. работала, как и ее муж, журналистом.

В возрасте 15 лет Рорти поступил в Чикагский университет, где получил степень бакалавра, а затем магистра и где познакомился со своей будущей женой Амели Оксенберг. В 1940–1950-е гг. студентам философского факультета в Чикаго преподавали «почти исключительно историю философии» [Mendieta, 2006, p. 55] – от Платона и Аристотеля до Сантаяны и Ройса. Особое внимание уделялось американскому прагматизму: Пол Маккеон, читавший лекции первокурсникам, был учеником и популяризатором Дьюи [см.: Gross, 2008, p. 118–119]; **Чарльз Хартсхорн и Мэнли Томпсон** занимались семиотикой Пирса [см.: Richardson, 2014, p. 168]; Рудольф Карнап, в целом сдержанно относившийся к прагматистам, высоко ценил творчество Чарльза Морриса, его попытки «соединить идеи прагматизма и логического эмпиризма» [Carnap, 1963, p. 34]. Любимые авторы Рорти в ту пору – Лавджой и Уайтхед, а настольная книга – «Феноменология духа» Гегеля. Основные философские предпочтения Рорти (его интерес к прагматизму, в особенности Уильяму Джеймсу, к немецким идеалистам и *Geistesgeschichte*) сформировались уже тогда. «Чем больше философов я читал, тем яснее мне становилось, что взгляды любого из них при желании могут быть редуцированы к некоторым базовым положениям или принципам, несовместимым с такими же базовыми принципами мыслителей, придерживающихся иных взглядов... В истории философии никогда не существовало нейтральной позиции, допускающей возможность сопоставления и оценки этих базовых теоретических положений. А раз так, вся сократо-платоновская традиция мысли с ее культом “рацио”... теряла смысл... С момента этого первого разочарования... я провел сорок лет в поисках связного и убедительного способа сформулировать, для чего нужна философия, если она вообще нужна» [Rorty, 1999, p. 10–11].

После защиты магистерской диссертации, посвященной метафизике Уайтхеда, Рорти продолжил изучение философии в Йельском университете, предпочтя его Гарварду¹. В середине прошлого века философские факультеты Йеля и Гарварда считались самыми престижными в США, однако в этих университетах культивировались разные типы философии: в Гарварде – логический позитивизм и философия языка, в Йеле – метафизика, этика, история философии и религии. В редакторском предисловии к сборнику «Философия в американском образовании» Бранд Бланшард (с 1945 по 1961 г. – профессор Йельского университета), анализируя ситуацию, сложившуюся с преподаванием философии в его стране, указывал на «двойное размежевание» в профессиональном философском сообществе: между прагматистами, ратующими за инструментализацию знания, и их оппонентами «метафизиками» и между позитивистами и антипозитивистами. Второе противостояние, по мнению Бланшарда, нанесло американской философии более ощутимый урон: в отличие от прагматистов, охотно обсуждавших метафизические проблемы со своими оппонентами, позитивисты объявили всю метафизику бессмысленной и «ушли с головой в разработку частных философских вопросов, таких как вопрос о статусе чувственных данных, о значении значения, о базовых пропозициях дедуктивной логики и т. д.» [Blanshard, 1945, p. 32]. Критическое отношение Бланшарда к такому узкому «профессионализму» в философии разделяли многие его коллеги по Йельскому университету, в том числе Пол Вейс, открыто полемизировавший с позитивистами, Джон Смит, Чарльз Гендель и Рулон Уэллс.

Единственным представителем аналитической философии в Йеле в период студенчества Рорти был Карл Густав Гемпель, которого в 1955 г. сменил Артур Пап (оба мэтра, по свидетельству Рорти, находились в университете «на положении марги-

¹ Как отмечает Гросс, Йельский университет в начале 50-х был «эпицентром прагматистской активности» [Gross, 2008, p. 140].

налов» [Rorty, 2010, p. 7]). **Вопреки этому обстоятельству – а может быть, благодаря** – философия языка в какой-то момент оказалась в центре внимания многих йельских студентов, включая Рорти и его однокурсников Милтона Фиска, Ричарда Шмитта и др. Постепенно пришло осознание, что Карнап, Селларс и Куайн «являются, вероятно, самыми значимыми мыслителями современности» [ibid., p. 8]. «В лагере аналитиков я начал искать философов, которые были бы менее выраженными позитивистами и редукционистами, – вспоминает Рорти. – Так я открыл Уилфрида Селларса, будущего автора “Эмпиризма и философии сознания”, показавшего мне, в каком направлении двигаться... Карнаповская строгость мысли сочеталась у Селларса с богатым метафизическим воображением и превосходным знанием истории философии. ... Он стал моим новым философским героем, и большая часть того, что сделано мною в последующие два десятка лет, была не чем иным, как попыткой развить селларсовские идеи» [ibid.].

В своей докторской диссертации Рорти характеризует логический эмпиризм как «наиболее жизнеспособную из ныне существующих (во всяком случае, в Соединенных Штатах) философских школ», однако критикует представителей этого направления за пренебрежение историей европейской мысли, «традиционной метафизикой и эпистемологией» [Rorty, 1956, p. xvi]. «Анализ проблем, с которыми столкнулся логический эмпиризм, – пишет он в Заключении, – наводит на мысль о том, что решение их может быть найдено на путях сближения формальной логики, семиотики и традиционной эпистемологии, как было показано Чарльзом Пирсом» [ibid., p. 573]. Эти идеи получают развитие в публикациях Рорти 1960–1970-х гг., включая предисловие к сборнику «Лингвистический поворот» (1967).

Отслужив два года в армии, Рорти устроился преподавателем в Уэллесли-колледже в Массачусетсе, где проработал до 1961 года. Там он читал лекции по философии, этике и истории религии, знакомя студентов и с логическим позитивизмом, и с прагматизмом, и с континентальной философской традицией (например, феноменологией Гуссерля и экзистенциализмом Сартра, а также с Хайдеггером, которого только-только начали переводить на английский).

В конце 50-х – начале 60-х гг. выходят первые философские публикации Рорти – статья о Пирсе, рецензии на книги Р. Арона, Д. Миллера, Э.К. Мура и других авторов. Тогда же (примерно в 1958–1959 гг.) Рорти пишет статью «Философ как эксперт», отвергнутую редакцией “Yale Review” и опубликованную лишь полвека спустя в юбилейном издании «Философии и зеркала природы» (2009). Эта работа представляет интерес как своеобразный опыт метафилософской рефлексии начинающего исследователя, столкнувшегося с проблемой теоретического и профессионального самоопределения. Философия, рассуждает Рорти, традиционно рассматривается либо как квазинаучная дисциплина (что предполагает, во-первых, ясность аргументации, логичность и доказательность, а во-вторых, более или менее выраженное согласие относительно общих целей и методов исследования, открытость к диалогу с коллегами и кооперацию), либо как разновидность свободного интеллектуального творчества, когда философ-одиночка рядится в тогу пророка (чаще всего непризнанного), поэта или мыслителя-духовидца. Между тем, как полагает Рорти, философия не является ни квазинаукой, ни квазиискусством, хотя попытки сциентизировать ее либо, напротив, «скрестить» с искусством предпринимались неоднократно: все успешные философские революции носили сциентистский или антисциентистский характер. «После каждой такой реконструкции философии внутреннее напряжение между ее полюсами возобновлялось. Именно это непрекращающееся противостояние и делает философию философией – тем, что она есть *sui generis*» [Rorty, 2009, p. 402]. По мнению Рорти, назначение философии – не в постижении «Истины», а в продумывании главных вопросов, которыми задаются люди, самый же трудный вопрос – о самом вопрошании. «Не столько поиск правильных *ответов* на поставленные вопросы, сколько рефлексия по поводу того, какие *вопросы* являются правильными и как их

следует ставить, – вот что определяет развитие философии. ... Каждая новая постановка вопросов, каждая “коперниканская революция” должна задавать контекст для переформулирования старых вопросов... и перевода старых терминов в термины новоизобретенного философского словаря» [ibid., p. 402, 414].

В 1961 г. происходит важное событие в жизни Рорти – он становится профессором Принстонского университета. В послевоенный период Принстон – главная кузница аналитических философских кадров в Северной Америке. Коллегами Рорти по университету были Грегори Властос, Карл Гемпель, Стюарт Хэмпшир, Дональд Дэвидсон, Томас Кун, Гилберт Харман, Дэвид Льюис, Сол Крипке, Томас Нагель, Кларк Глаймур, Хартри Филд, Дана Скотт. Тридцатилетнему Рорти, по его собственному признанию, пришлось основательно потрудиться, чтобы «перековать» себя в аналитического философа [см.: Rorty, 2010, p. 11]. По совету С. Хука, он много писал и публиковался². «Мои исследования, – указывал Рорти в одной из заявок на грант, – посвящены, главным образом, сравнительному анализу философских проблем, обсуждавшихся выдающимися мыслителями прошлого, и проблем, обсуждаемых сегодня аналитическими философами... Цель – показать, что современная мысль связана с предшествующими традициями и их представителями гораздо больше, чем принято думать» [цит. по: Gross, 2008, p. 149].

Тематика исследований раннего Рорти охватывает широкий круг вопросов, актуальных для англо-американской философии второй половины прошлого века. Это проблемы психофизического дуализма и тождества, трансцендентальной аргументации, истины и верификации, неопределенности перевода, холизма и атомизма. Рорти сразу заявляет о себе как о философе «нового поколения», отвергающего избитые «аксиомы» и гносеологические трюизмы логических эмпиристов, одной из которых была *редукционистская догма*. Все претендующие на истинность языковые высказывания, утверждали позитивисты, являются либо эмпирическими гипотезами, либо тавтологиями, либо когнитивно пустыми (бессмысленными) предложениями. Однако, возражает Рорти в статье «Границы редукционизма» (1961), само это утверждение нельзя отнести ни к одной из трех групп, выделенных позитивистами. Следовательно, редукционизм сам себя опровергает [Rorty, 2014, p. 42].

Идеи Рорти 60–70-х гг. укладываются в русло элиминативного материализма, некогда влиятельного течения в американской философии, ставившего своей целью «устранение» коренного психофизического дуализма метафизической традиции – дуализма *сознания – материи, души – тела*. Острие критики элиминативных материалистов было направлено против доктрины Декарта и его последователей, содержащей «основополагающую гипотезу» о существовании двух независимых субстанций – протяженной (материальной) и мыслящей (идеальной). С картезианского *cogito ergo sum*, считают материалисты, берет начало история современного философского дуализма. Убеждение в том, что ментальное имеет свою особую, отличную от всего «внешнего» и физического природу и что оно состоит из специфических сущностей – чувств, мыслей, – Декарт основывает на «привилегированном доступе» познающего его к своим внутренним состояниям и его способности непогрешимо (интроспективно) судить о них. Эта идея представляется философам-материалистам внутренне противоречивой, сомнительной. Они выдвигают свою альтернативную стратегию, суть которой сводится к устранению (элиминации) ментальных терминов как ненаучных, относящихся к языку *folk psychology*, и **постепенной (по мере развития науки, в особенности нейрофизиологии) замене их точными физикалистскими терминами**. Поскольку ощущения, говорит Рорти, являются не чем иным, как мозговыми процессами, термин «ощущение» утрачивает какое-либо особое значение, становится избыточным. Рорти проводит аналогию между «ощущениями» и «демо-

² В 60-е гг. аналитические обзоры, рецензии и статьи Рорти выходили в журналах “Mind”, “Journal of Philosophy”, “Review of Metaphysics”, “International Philosophical Quarterly”, “Philosophical Review” и других изданиях.

нами»: подобно «демонам» (с помощью которых люди некогда объясняли болезни, а теперь делают это, ссылаясь на вирусы и микробы), «ощущения» исчезнут из научного сленга. И эта участь ожидает все ментальные термины [Rorty, 2014, p. 110–113].

Ключевые идеи элиминативного материализма были изложены Рорти в статье 1965 г. “**Mind-Body Identity, Privacy, and Categories**”, **вокруг которой развернулись горячие споры**. Позиция Рорти была подвергнута критике Дж. Фодором, Х. Патнэмом, Дж. Марголисом, Д. Розенталем и другими философами сознания и языка. В ходе этой дискуссии, собственно, и возник термин «элиминативный материализм» (введен Дж. Корнменом [Cornman, 1968]). **Со временем Рорти пересмотрел свое отношение к физикалистским теориям тождества и отказался от элиминативизма** (как «неуклюжей» доктрины [Rorty, 1979, p. 119]). После «Философии и зеркала природы» к обсуждению **mind-body problem он уже не возвращался. Так вышло что «элиминации» у Рорти подвергся сам элиминативный материализм, вкуче с традиционной «аналитической» проблематикой.**

В 60-е гг. внимание многих философов-аналитиков (в их числе стоит упомянуть П. Стросона, Дж. Беннета, Б. Страуда) привлекает «трансцендентальная аргументация» – метод рационального доказательства (обоснования) возможности знания о существовании внешнего мира исходя из описания характеристик языка (концептуальной схемы) или научной теории. Не пропустил этот интересный сюжет и Рорти. В статье “**Verificationism and Transcendental Arguments**”, опубликованной в журнале “*Noûs*”, он переносит акцент с собственно трансцендентального аргумента на решение вопроса о выполнимости принципа верификации, без которого опровержение скептицизма, по расхожему мнению неопозитивистов, было бы невозможно. Сам принцип Рорти формулирует весьма своеобразно. Осмысленность понятия или утверждения, говорит он, с необходимостью предполагает, что у нас есть представление о примерах его применения, но мы можем не располагать знанием о том, существуют ли в реальности соответствующие объекты и сущности. Для выполнения верификационного принципа достаточно, таким образом, некоторого псевдосуществования, т. е. «простой *веры* в существование вещей» [Rorty, 2014, p. 262]. **Рорти подчеркивает, что этот верификационизм «делает осмысленность независимой от связи “слово–мир” (a word–world connection), а зависит от связи между видами лингвистического поведения»** [ibid., p. 265]. Понимание смысла приравнивается к знанию отношений внутри «языковой игры».

Цикл принстонских сочинений Рорти включает также статьи о П. Стросоне, У. Куайне, Х. Патнэме, Д. Деннете – представителях новой «аналитической метафизики». Современный концептуальный анализ чужд антиметафизического радикализма, свойственного логическим позитивистам, считает Рорти. Философия обыденного языка, начиная с Дж. Остина и Г. Райла, «дрейфует в сторону реализма» [ibid., p. 66]; нельзя не признать, что психофизическая проблема, поднятая философами сознания, имеет глубокие корни в истории европейской метафизики. Отчасти полемизируя с Бланшардом, Рорти в статье “**Do Analysts and Metaphysicians Disagree?**” говорит о некорректности противопоставления аналитических философов метафизикам. Оба типа мыслителей, по его мнению, разрабатывают одни и те же проблемы (провести четкий водораздел между «первопорядковым» метафизическим дискурсом и «второпорядковым» аналитическим невозможно), разница только в том, что метафизики ищут «истину бытия», а философы-аналитики – новые, более точные и продуктивные «способы рассуждения», описания реальности (ways of saying things). Интерес к языку вполне естественен и законен, ведь мы не располагаем «прямым» (нелингвистическим) доступом к миру [ibid., p. 138, 204–205].

В 1967 г. выходит сборник «Лингвистический поворот» – одна из первых антологий аналитической философии, в которой это направление было представлено «как целостный, единый проект» [Рокмор, 2014, с. 72]³. Предисловие к сборнику, написан-

³ Годом ранее Амели Рорти выпускает свою антологию “*Pragmatic Philosophy*” (N. Y.: Anchor Books, 1966).

ное Рорти, содержит весьма скрупулезный анализ основных результатов, тенденций развития и перспектив лингвистической философии в XX в. В статье, работа над которой заняла больше года, Рорти «демонстрирует повышенную чувствительность к историческому контексту “философских проблем” и скептическое отношение к идее универсального “философского метода”, а также проявляет симпатию к классическому американскому прагматизму и подчеркнутую заинтересованность в обсуждении метафилософских вопросов» [Malachowski, 2009, p. 109]. Начинает же он с *исторической*, почти гегельянской картины развития философской мысли.

По мнению Рорти, история западной философии, в особенности последних трех-четырёх столетий, представляет собой поток, равномерно-поступательное течение которого время от времени прерывается «методологическими восстаниями» – революционными попытками замещения ненадежного и случайного «мнения» (*doxa*) беспредпосылочно-достоверным «знанием» (*episteme*). Фактически ни одна из этих попыток успехом не увенчалась, констатирует Рорти. Беспредпосылочность – миф. «Проблема заключается в том, что очень трудно решить, каким философским методом пользоваться, не имея предварительного ответа на вопрос о предмете философии и природе интеллектуального знания. Наш метод зависит от метафизических и эпистемологических установок, которые мы заранее принимаем» [Rorty, 1967, p. 1]. Само представление методолога-революционера об *episteme*, отличном от *doxa*, «является, в конечном счете, вопросом мнения» [ibid., p. 2]. **Ищется в философии знание, но находится только мнение.**

Научно-академическая и исследовательская работа Рорти в 60–70-е гг. не ограничивается обсуждением проблем, поднятых лингвистическими философами, а также их предшественниками логическими позитивистами и прагматистами. Интересуется он и континентальной мыслью – феноменологией, герменевтикой, экзистенциализмом; в начале 70-х переписывается с Ю. Хабермасом, читает М. Хайдеггера, Г. Маркузе и Ж. Деррида. «Деррида произвел на меня сильное впечатление, – признается Рорти в письме Яну Хакингу. – Думаю, это настоящий философ, заслуживающий серьезного отношения, а вовсе не интеллектуальный мошенник, каким его порой выставляют»⁴. Рорти убежден, что «стагнирующая» американская философия нуждается в «ревитализации», в новых идеях, которые она могла бы почерпнуть в Европе⁵. В 1977 г. он посещает с лекциями Германию и Югославию, чуть позже – Чехословакию, где выступает в поддержку правозащитников и встречается с диссидентом Л. Гейданеком, одним из подписантов антиправительственной «Хартии 77» [Day, 1999, p. 101].

Биограф Рорти приводит любопытный отрывок из его рабочих заметок, относящихся к этому времени (возможно, набросок к восьмой главе монографии «Философия и зеркало природы»). Там говорится о двух способах философствования – *научно-дисциплинарном* и *литературно-поэтическом*. Одни мыслители оперируют аргументами, другие – символами. «Существуют философы, такие как Куайн, Селларс, Гёдель или Геттиер, которые делают нечто такое, что может быть проверено и повторено. Они добиваются объективных результатов... Но есть и философы, которые работают с символами и изобретают словари, придумывают новые языковые игры... Первые ассоциируются с научной дисциплинарностью и идеалом объективного знания, вторые – с литературной культурой» [цит. по: Gross, 2008, p. 194]. **Какое-то время** Рорти, как можно судить по его публикациям и переписке, спорадически колебался между этими двумя философскими установками, постепенно, впрочем, склоняясь к «литературной» модели – к тому, что четверть века спустя он назовет *текстуализмом*⁶. После выступления в декабре 1972 г. на заседании Восточного отделения

⁴ R. Rorty to I. Hacking, November 29, 1976. Цит. по: [Gross, 2008, p. 195].

⁵ См.: R. Rorty to J. Greenbaum, June 10, 1977 [Gross, 2008, p. 219].

⁶ О противостоянии ортодоксально настроенных аналитиков и так называемых «плюралистов», расколовшем коллектив философского факультета, Рорти упоминает в письме президенту Принстонского университета Р. Гохину: «С одной стороны, мы имеем философов жесткого склада ума (*tough-minded*), сугубых специалистов в избранной ими предметной области, таких как Г. Харман,

Американской философской ассоциации⁷ с резонансным докладом, в котором он заявил о приверженности идеям прагматизма Дьюи («натурализированной версии гегелевского историцизма») и подверг критике «декартово-кантовскую эпистемологическую традицию» [см.: Rorty, 1972], Рорти все больше и больше дистанцируется от коллег-аналитиков – с ними его связывают лишь общий предмет и профессиональные обязательства, но не общие интересы. «Наша профессура, – сетует он в письме М. Фреде, – слишком снобистски настроена и озабочена только тем, чтобы не отстать от времени, быть в курсе происходящего, держаться “на переднем краю” и т. п. Печальный пример того, как профессиональные добродетели оборачиваются пороками... Меня немного пугает, что факультет сделался кузницей докторов философии, круг профессионального чтения которых строго определен и ограничен литературой последних трех-четырёх лет»⁸.

После выхода в свет «Философии и зеркала природы» (1979) в карьере Рорти намечился перелом. Книга, которая писалась в расчете на скандальный успех⁹, была встречена негативно, если не сказать враждебно, представителями академического истеблишмента¹⁰. Вал разгромных рецензий прокатился по философским журналам; за Рорти прочно закрепилась репутация дисциплинарного провокатора и «рenegата» [см.: Festenstein, Thompson, 2001, p. 1]. Этому в немалой степени способствовала и его деятельность в АРА, Восточное отделение которой он возглавлял в 1979–1980 гг.¹¹

В 1982 г. Рорти решает покинуть Принстон и переходит на кафедру гуманитаристики Виргинского университета. То, что его друзья и коллеги по философскому факультету расценили как профессиональный «дауншифтинг», сам Рорти рассматривал как счастливую возможность «порвать с ремеслом философа» и стать «кем-то вроде “интеллектуала широкого профиля” (**all-around intellectual**), сочинителя и толкователя текстов (*man of letters*)»¹². Тогда же, в 1982 г., выходит вторая книга Рорти, в название которой уже вынесено слово «прагматизм» – «Consequences of Pragmatism». Предисловие к ней содержит пространное рассуждение автора о грядущей «постфилософской культуре», кризисе фундаментализма и якобы обозначившейся во второй половине XX в. тенденции «прагматизации» гуманитарного и научного знания. Философия логического и лингвистического анализа, изначально враждебная прагматизму (достаточно вспомнить полемику Рассела с Дьюи), по мнению Рорти, достигает своей кульминации в доктринах позднего Витгенштейна, Куайна и Селларса, где она «как бы трансцендирует и отрицает себя» [Rorty, 1982, p. xviii]. «...В конце диалектического пути, по которому двигалась аналитическая философия, ее поджидали прагматисты – Дьюи и Джеймс» [ibid.].

П. Бенацераф, Р. Грэнди, Д. Льюис, Х. Филд, – они закрывают глаза на все, что считается философски неактуальным и выходит за рамки “мейнстрима”. С другой стороны, мы имеем философов мягкого склада (*tender-minded*) с более широкими и разнонаправленными интеллектуальными интересами, – в их числе В. Кауфман, Дж. Смит, Г. Властос и ваш покорный слуга, – которые ратуют за соблюдение определенного “баланса” на факультете, что является эвфемизмом, подразумевающим: “меньше логиков и философов языка”... Представители этих двух группировок не склонны к поиску компромисса друг с другом» (R. Rorty to R. F. Goheen, October 22, 1971. Цит. по: [Gross, 2008, p. 174–175]).

⁷ American Philosophical Association (APA) – профессиональное объединение философов США. Имеет три региональных отделения: Восточное, Центральное и Тихоокеанское. Основано в 1902 г.

⁸ R. Rorty to M. Frede, October 20, 1974. Цит. по: [Gross, 2008, p. 196–197].

⁹ Так утверждала, во всяком случае, А. Рорти [см.: Gross, 2008, p. 216].

¹⁰ По мнению Ричарда Бернштейна, столь болезненная реакция в среде профессиональных философов объясняется тем, что Рорти использовал в своей книге «хорошо разработанную аналитическую аргументацию для деконструкции самой аналитической философии» [Bernstein, 2011, p. 113]. На рукопись «Зеркала» в издательство Принстонского университета поступило два диаметрально противоположных отзыва – хвалебный и резко критический. Автор второго указывал, что монография слишком «техническая». Редактору пришлось искать третьего рецензента. Этим *tertius interveniens*, решившим судьбу книги, оказался Р. Бернштейн, одноклассник Рорти по Йелю.

¹¹ Сочувствуя «плюралистам», Рорти принял ряд административных мер, позволивших увеличить представительство неаналитических философов в комитетах и на сессиях АРА [Gross, 2008, p. 221–222].

¹² R. Rorty to G. Freund, March 22, 1982. Цит. по: [Gross, 2008, p. 233].

В 1990–2000-е гг. Рорти позиционировал себя как «постфилософского прагматиста» [Rorty, 1999, p. 112], «неософиста» [Rorty, 2007, p. 77], «метафизического квиетиста» [Rorty, 1998a, p. 29], «номиналиста» [Rorty, 2003, p. 22–23], «дьюианца» [Rorty, 1993, p. 47], «постмодернистского буржуазного либерала» [Rorty, 1991, p. 198] и «сентиментального патриота» [Rorty, 1999, p. 17]. В центре его внимания оказались фигуры Дьюи (Пирс и Джеймс отошли на второй план) и Хайдеггера (о котором он даже пробовал писать книгу), а также Ницше, Фуко, Деррида и других «маргинальных» для американской философии конца XX в. мыслителей. Он выступал с публичными лекциями и в СМИ, обсуждая проблемы социальной политики, образования и религии. К философскому «ремеслу» – преподаванию философии будущим профессиональным философам – Рорти (с 1998 г. профессор сравнительной литературы Стэнфордского университета) больше не возвращался, предпочитая этому занятию более приятное времяпрепровождение «в разъездах по живописным уголкам мира, с одной междисциплинарной конференции на другую» [Rorty, 1998b, p. 85].

Е. Логинов обращает внимание на то обстоятельство, что большая часть текстов, вошедших в сборник «Следствия прагматизма», писалась Рорти в 70-е гг., следовательно, до публикации «Философии и зеркала природы». Например, доклад «Преодоление традиции: Хайдеггер и Дьюи» был зачитан им на хайдеггероведческой конференции в 1974 г. «Уже поэтому, – считает Логинов, – неверно представление о том, что до 1979 г. Рорти работал исключительно в аналитическом жанре» [Логинов, 2016, с. 195].

С таким выводом можно согласиться лишь отчасти. Безусловно, философские темы, носившие, по выражению Логинова, «подрывной характер по отношению к аналитическому проекту», занимали Рорти и в 60–70-е гг. Об этом как нельзя лучше свидетельствует его переписка и архивные материалы¹³. Однако ни данное (само по себе справедливое) замечание, ни прочие доводы, приводимые Логиновым («социологический аргумент» и «аргумент от самоописания»), не опровергают общепринятого деления творчества Рорти на два периода: ранний (аналитический) и зрелый (постаналитический или прагматистский). Водоразделом служит 1972 год – публикация статьи “The World Well Lost”, а не 1979/1982 гг. В пользу этого мнения высказываются, в частности, Х. Патнэм [Putnam, 2009, p. 231] и Ю. Хабермас [Habermas, 2008, p. 4]. Бесплезно отрицать, что до 1972 г. Рорти работал почти исключительно в «аналитическом жанре» (изданный уже после его смерти пятый том «Философских сочинений» – “Mind, Language and Metaphilosophy” – убедительное тому подтверждение). Кстати, Н. Гросс выделяет фактически три (а не два) этапа в творческой эволюции Рорти: *ранний* метафизический, *средний* аналитический и *поздний* прагматистский [Gross, 2008, p. 308]. Сложно, однако, считать «этапом творчества» философа период его ученичества, службы в армии и преподавания в колледже (1946–1961 гг.), в течение которого Рорти не опубликовал ни одной серьезной работы.

Социологический аргумент Гросса, к которому присоединяется Логинов, сводится к предположению, что относительно кратковременное, хотя и оставившее заметный след в философии США увлечение Рорти аналитизмом обусловлено исключительно конъюнктурой: «...нужно было следовать моде, чтобы не вступать в противоречие с коллективом кафедры» [Логинов, 2016, с. 194]. Пусть так. Сам Рорти вполне откровенен: «...[в начале 60-х гг.] я мечтал во всем походить на своих университетских коллег», стараясь «заслужить их уважение и признание» [Rorty, 2010, p. 15, 11]. Для молодого философа, не лишённого профессиональных амбиций, желание быть частью «мейнстрима» вполне объяснимо и даже закономерно. Подавляющее

¹³ Если учесть, что названные темы (а именно, теория тождества, запрет на индивидуальный язык, лингвистический поворот и др.) входили когда-то в шорт-лист наиболее обсуждаемых в англоязычном университетском сообществе философских проблем, можно с уверенностью утверждать, что к «подрыву аналитического проекта» оказалось причастно абсолютное большинство профессиональных философов-аналитиков. См.: [Джохадзе, 2016].

количество докторов философии в США, включая выпускников неаналитических институций вроде Редлендса или Йеля, решают «стать аналитиками» исходя из карьерных соображений. Это не делает их *менее* аналитическими или профессиональными философами, как раз наоборот.

По мнению Логинова, попытки исследователей неопрагматизма представить зрелого Рорти «разочарованным аналитиком» лишены оснований: Рорти не мог *разочароваться* в аналитической философии, поскольку никогда не был *очарован* ею. Целью настоящей статьи было показать, что как раз это последнее утверждение бесосновательно. В сочинениях Рорти и в материалах его архива, доступных теперь благодаря книге Н. Гросса и публикациям К. Коормана [Coorman, 2009; Coorman, 2011; Coorman, 2013], достаточно свидетельств, которые не оставляют сомнений на данный счет. «Лингвистическая философия, – писал Рорти в середине 60-х гг., – добилась впечатляющих успехов в критике целой интеллектуальной традиции, ведущей от Парменида через Декарта и Юма к Брэдли и Уайтхеду. ...Результаты, полученные за последние 30 лет, ставят философию языка в один ряд с величайшими эпохами в истории мысли» [Rorty, 1967, p. 33]. Четверть века спустя в послесловии к очередному изданию антологии «Лингвистический поворот» Рорти признавался, что «с сожалением и стыдом» перечитывает эти строки. «В тогдашних своих рассуждениях я усматриваю желание 33-летнего философа убедить самого себя в том, что ему посчастливилось родиться в нужное время, что дисциплинарная матрица, в которой он оказался – та разновидность философии, которая преподавалась в 60-е гг. почти повсеместно в англоязычных университетах, – представляет собой нечто большее, чем очередное академическое поветрие, очередная школьная буря в стакане воды... Философские контрверзы, которые я с полной серьезностью обсуждал в 1965 г., уже через десять лет стали казаться достаточно эксцентричными. Ныне они выглядят совершенным анахронизмом» [Rorty, 1992, p. 371].

«Гипотеза разочарованности», при всей ее спорности и открытости (многие, как Логинов, К. Уэст [West, 1989, p. 194–198] или Дж. Ричардсон [Richardson, 2014, p. 165–187], полагают, что Рорти исповедовал прагматизм всегда и только какое-то время маскировался под аналитика), хороша в одном существенном отношении: она подтверждается самим Рорти.

Список литературы

- Джохадзе, 2016 – *Джохадзе И.* Аналитическая философия сегодня: кризис идентичности // Логос. 2016. Т. 26. № 5. С. 1–18.
- Логинов, 2016 – *Логинов Е.* Прагматизм и неопрагматизм: реконструкция учения Дж. Дьюи у Р. Рорти // *Вопр. философии.* 2016. № 2. С. 192–203.
- Рокмор, 2014 – *Рокмор Т.* Заметки об истории философии в ее отношении к «духу времени» (Zeitgeist) / Пер. с англ. Н. Мотрошиловой // *История философии: вызовы XXI века* / Отв. ред. Н. Мотрошилова. М.: Канон+, 2014. С. 64–79.
- Bernstein, 2011 – *Bernstein R.* Rorty the Gadfly // *International Journal of Cultural Research.* 2011. № 1 (2). P. 113–114.
- Blanshard, 1945 – *Blanshard B.* Climate of Opinion // *Philosophy and American Education: Its Tasks and Opportunities* / Ed. by B. Blanshard. N. Y.: Harper and Brothers Publishers, 1945. P. 3–42.
- Carnap, 1963 – *Carnap R.* Intellectual Autobiography // *The Philosophy of Rudolf Carnap* / Ed. by P.A. Schilpp. La Salle: Open Court, 1963. P. 1–84.
- Cornman, 1968 – *Cornman J.* On the Elimination of ‘Sensations’ and Sensations // *Review of Metaphysics.* 1968. Vol. 22. № 1. P. 15–35.
- Day, 1999 – *Day B.* The Velvet Philosophers. L.: Claridge Press, 1999. 352 p.
- Festenstein, Thompson (eds.), 2001 – *Richard Rorty: Critical Dialogues* / Ed. by M. Festenstein, S. Thompson. Cambridge: Polity Press, 2001. 241 p.
- Gross, 2008 – *Gross N.* Richard Rorty: The Making of an American Philosopher. Chicago: University of Chicago Press, 2008. 390 p.

- Habermas, 2008 – *Habermas J.* In Memory of Richard Rorty // *New Literary History*. 2008. Vol. 39. № 1. P. 3–12.
- Koopman, 2009 – *Koopman C.* Pragmatism as Transition. Historicity and Hope in James, Dewey, and Rorty. N. Y.: Columbia University Press, 2009. 288 p.
- Koopman, 2011 – *Koopman C.* Rorty's Linguistic Turn: Why (More Than) Language Matters to Philosophy // *Contemporary Pragmatism*. 2011. Vol. 8. № 1. P. 61–84.
- Koopman, 2013 – *Koopman C.* Challenging Philosophy: Rorty's Positive Conception of Philosophy as Cultural Criticism // *Richard Rorty: From Pragmatist Philosophy to Cultural Politics* / Ed. by A. Gröschner, C. Koopman, M. Sandbothe. L.: Bloomsbury, 2013. P. 75–106.
- Malachowski, 2009 – *Malachowski A.* Rorty // *12 Modern Philosophers* / Ed. by C. Belshaw, G. Kemp. Malden: Blackwell, 2009. P. 94–114.
- Mendieta (ed.), 2006 – *Take Care of Freedom and Truth Will Take Care of Itself: Interviews with Richard Rorty* / Ed. by E. Mendieta. Stanford: Stanford University Press, 2006. 253 p.
- Putnam, 2009 – *Putnam H.* Richard Rorty // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 2009. Vol. 153. № 2. P. 230–232.
- Rauschenbusch (ed.), 2007 – *Christianity and the Social Crisis of the 21st Century: The Classic That Woke Up the Church* / Ed. by P. Rauschenbusch. N. Y.: Harper One, 2007. 402 p.
- Richardson, 2014 – *Richardson J.* Pragmatism and American Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 272 p.
- Rorty, 1956 – *Rorty R.* The Concept of Potentiality. Ph.D. Dissertation. Department of Philosophy, Yale University, 1956. 600 p.
- Rorty, 1967 – *Rorty R.* Metaphilosophical Difficulties of Linguistic Philosophy // *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method* / Ed. by R. Rorty. Chicago: University of Chicago Press, 1967. P. 1–39.
- Rorty, 1972 – *Rorty R.* The World Well Lost // *Journal of Philosophy*. 1972. Vol. 69. № 19. P. 649–665.
- Rorty, 1979 – *Rorty R.* Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton: Princeton University Press, 1979. 401 p.
- Rorty, 1982 – *Rorty R.* Consequences of Pragmatism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. 237 p.
- Rorty, 1991 – *Rorty R.* Objectivity, Relativism, and Truth. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 226 p.
- Rorty, 1992 – *Rorty R.* Twenty-Five Years After // *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 371–374.
- Rorty, 1993 – *Rorty R.* Trotsky and Wild Orchids // *Wild Orchids and Trotsky: Messages From American Universities* / Ed. by M. Edmundson. N. Y.: Penguin Books, 1993. P. 29–50.
- Rorty, 1998a – *Rorty R.* Truth and Progress. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 355 p.
- Rorty, 1998b – *Rorty R.* Achieving Our Country: Leftist Thought in Twentieth-Century America. Cambridge; L.: Harvard University Press, 1998. 159 p.
- Rorty, 1999 – *Rorty R.* Philosophy and Social Hope. Harmondsworth: Penguin Books, 1999. 288 p.
- Rorty, 2003 – *Rorty R.* Being That Can Be Understood Is Language // *Gadamer's Repercussions: Reconsidering Philosophical Hermeneutics* / Ed. by B. Krajewski. Berkeley: University of California Press, 2003. P. 21–29.
- Rorty, 2007 – *Rorty R.* Philosophy as Cultural Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 206 p.
- Rorty, 2009 – *Rorty R.* The Philosopher as Expert // *Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature*. Thirtieth-Anniversary Edition. Princeton: Princeton University Press, 2009. P. 395–421.
- Rorty, 2010 – *Rorty R.* Intellectual Autobiography // *The Philosophy of Richard Rorty* / Ed. by R.E. Auxier, L.E. Hahn. Chicago; La Salle: Open Court, 2010. P. 1–24.
- Rorty, 2014 – *Rorty R.* Mind, Language and Metaphilosophy: Early Philosophical Papers / Ed. by S. Leach, J. Tartaglia. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 318 p.
- West, 1989 – *West C.* The American Evasion of Philosophy: A Genealogy of Pragmatism. Madison: University of Wisconsin Press, 1989. 279 p.

Has Richard Rorty Ever Been an Analytic Philosopher?

Igor D. Dzhokhadze

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Goncharnaya Str. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: joe99@mail.ru

It has become a commonplace to distinguish between analytical and pragmatist phases in Richard Rorty's philosophical career. Nevertheless, not all historians of American philosophy or Rorty's colleagues agree with this conventional periodization. It is suggested that in the 1960–70s Rorty only disguised himself as analytical philosopher, actually being a pragmatist. This view is held in United States by N. Gross, J. Richardson and C. West, and in Russia by E. Loginov. The purpose of this article is to refute the “sociological argument” put forward by Gross and those scholars who question the “polycentricity” of Rorty's philosophy.

Keywords: Richard Rorty, pragmatism, analytical philosophy

References

- Bernstein R. Rorty the Gadfly, *International Journal of Cultural Research*, 2011, no. 1(2), pp. 113–114.
- Blanshard B. Climate of Opinion, in: *Philosophy and American Education: Its Tasks and Opportunities*, ed. by B. Blanshard. N.Y.: Harper and Brothers Publishers, 1945, pp. 3–42.
- Carnap R. Intellectual Autobiography, in: *The Philosophy of Rudolf Carnap*, ed. by P.A. Schilpp. La Salle: Open Court, 1963, pp. 1–84.
- Connan J. On the Elimination of ‘Sensations’ and Sensations, *Review of Metaphysics*, 1968, vol. 22, no. 1, pp. 15–35.
- Day B. *The Velvet Philosophers*. London: Claridge Press, 1999. 352 p.
- Dzhokhadze I. Analiticheskaya filosofiya segodnya: krizis identichnosti [Analytic Philosophy Today: The Identity Crisis], *Logos*, 2016, vol. 26, no. 5, pp. 1–18. (In Russian)
- Festenstein M. & Thompson, S. (eds.) *Richard Rorty: Critical Dialogues*. Cambridge: Polity Press, 2001. 241 p.
- Gross N. *Richard Rorty: The Making of an American Philosopher*. Chicago: University of Chicago Press, 2008. 390 p.
- Habermas J. In Memory of Richard Rorty, *New Literary History*, 2008, vol. 39, no. 1, pp. 3–12.
- Koopman C. *Pragmatism as Transition. Historicity and Hope in James, Dewey, and Rorty*. New York: Columbia University Press, 2009. 288 p.
- Koopman C. Rorty's Linguistic Turn: Why (More Than) Language Matters to Philosophy, *Contemporary Pragmatism*, 2011, vol. 8, no. 1, pp. 61–84.
- Koopman C. Challenging Philosophy: Rorty's Positive Conception of Philosophy as Cultural Criticism, in: *Richard Rorty: From Pragmatist Philosophy to Cultural Politics*, ed. by A. Gröschner, C. Koopman & M. Sandbothe. London: Bloomsbury, 2013, pp. 75–106.
- Loginov E. Pragmatizm i neopragmatizm: rekonstruktsiya ucheniya Dzh. D'yui u R. Rorti [Pragmatism and Neo-Pragmatism: R. Rorty's Reconstruction of John Dewey's Philosophy], *Voprosy Filosofii*, 2016, vol. 2, pp. 192–203. (In Russian)
- Malachowski A. Rorty, in: *12 Modern Philosophers*, ed. by C. Belshaw & G. Kemp. Malden: Blackwell, 2009, pp. 94–114.
- Mendieta E. (ed.) *Take Care of Freedom and Truth Will Take Care of Itself: Interviews with Richard Rorty*. Stanford: Stanford University Press, 2006. 253 p.
- Putnam H. Richard Rorty, *Proceedings of the American Philosophical Society*, 2009, vol. 153, no. 2, pp. 230–232.
- Rauschenbusch P. (ed.) *Christianity and the Social Crisis of the 21st Century: The Classic That Woke Up the Church*. New York: Harper One, 2007. 402 p.
- Richardson J. *Pragmatism and American Experience*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 272 p.
- Rockmore T. Zаметki ob istorii filosofii v ee otnoshenii k “dukhu vremeni” (Zeitgeist) [Notes on the History of Philosophy in Its Relation to the “Spirit of the Times” (Zeitgeist)], trans. by N. Motroshilova, in: *Istoriya filosofii: vyzovy XXI veka* [History of Philosophy: Challenges of the 21st Century], ed. by N. Motroshilova. Moscow: Kanon+, 2014, pp. 64–79. (In Russian)

- Rorty R. *The Concept of Potentiality. Ph.D. Dissertation.* Department of Philosophy, Yale University, 1956. 600 p.
- Rorty R. Metaphilosophical Difficulties of Linguistic Philosophy, in: *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method*, ed. by R. Rorty. Chicago: University of Chicago Press, 1967, pp. 1–39.
- Rorty R. The World Well Lost, *Journal of Philosophy*, 1972, vol. 69, no. 19, pp. 649–665.
- Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature.* Princeton: Princeton University Press, 1979. 401 p.
- Rorty R. *Consequences of Pragmatism.* Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. 237 p.
- Rorty R. *Objectivity, Relativism, and Truth.* Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 226 p.
- Rorty R. Twenty-Five Years After, in: *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method.* Chicago: University of Chicago Press, 1992, pp. 371–374.
- Rorty R. Trotsky and Wild Orchids, in: *Wild Orchids and Trotsky: Messages From American Universities*, ed. by M. Edmundson. N.Y.: Penguin Books, 1993, pp. 29–50.
- Rorty R. *Truth and Progress.* Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 355 p.
- Rorty R. *Achieving Our Country: Leftist Thought in Twentieth-Century America.* Cambridge; London: Harvard University Press, 1998. 159 p.
- Rorty R. *Philosophy and Social Hope.* Harmondsworth: Penguin Books, 1999. 288 p.
- Rorty R. Being That Can Be Understood Is Language, in: *Gadamer's Repercussions: Reconsidering Philosophical Hermeneutics*, ed. by B. Krajewski. Berkeley: University of California Press, 2003, pp. 21–29.
- Rorty R. *Philosophy as Cultural Politics.* Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 206 p.
- Rorty R. The Philosopher as Expert, in: R. Rorty. *Philosophy and the Mirror of Nature. Thirtieth-Anniversary Edition.* Princeton: Princeton University Press, 2009, pp. 395–421.
- Rorty R. Intellectual Autobiography, in: *The Philosophy of Richard Rorty*, ed. by R.E. Auxier & L.E. Hahn. Chicago; La Salle: Open Court, 2010, pp. 1–24.
- Rorty R. *Mind, Language and Metaphilosophy: Early Philosophical Papers*, ed. by S. Leach & J. Tartaglia. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 318 p.
- West C. *The American Evasion of Philosophy: A Genealogy of Pragmatism.* Madison: University of Wisconsin Press, 1989. 279 p.